

Левон МКРТЧЯН

СЛОВО РЫЦАРЯ ПРАВДЫ

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИИ

Федор АБРАМОВ. 1979 год.

ФЕДОР АБРАМОВ был человеком прямым, то есть правдивым, нелицемерно-откровенным и в прямоте своей колючим. И еще он был человеком добрым. Я бы сейчас не стал писать так уверенно о своих впечатлениях, так как наше знакомство было недолгим, но впечатления проверяются еще и книгами Абрамова, его прозой, такой напряженной, острой, в чем-то беспощадной, но и бесконечно доброй к земле и к людям русской земли.

Резкая, не знающая компромиссов прямота Абрамова не отталкивала, а привлекала к нему людей. Должно быть, долго были мы слишком покладасты, дипломатичны и истосковались по характеру открытому, бесхитростно прямому. Много значит такой характер в литературе. Федор Абрамов-писатель так, собственно, и начинался — с откровенного, принципиального разговора о жизни в послевоенной русской деревне.

Он об этом говорил однажды на встрече со студентами-филологами Ереванского университета. Из своих критических работ Абрамов выделил статью «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», опубликованную, как он подчеркнул, в «Новом мире» Твардовского в 1954 году.

— Сейчас статью хвалят. Тогда очень ругали. Я сказал о том, как на самом деле люди живут в деревне и как о них пишут... Сельскохозяйственный эпос воспевал изобилие...

Полемику, начатую в статье о людях колхозной деревни, Абрамов продолжил своей разгневанной прозой. Он задался целью написать о деревне, и написать правду.

— Второй фронт, — говорил Абрамов армянским студентам, — открыли не американцы, а русские бабы, которые мужественно переносили тяготы войны. Надо было написать о страдальческом подвиге русской бабы. Она работала за мужиков. Она голодала, растила детишек, у которых война отняла детство.

Деревня для Абрамова была основой основ, и именно книги о деревне, как он считал, определяют лицо российской словесности.

— Деревня для нас (и для вас, армян) является нашей общей матерью. Перефразируя слова Достоевского о «Шинели» Гоголя, мы можем сказать: «Все мы вышли из деревни». Деревня — наш язык, наша философия, наша нравственность.

Тогда же, на встрече со студентами, Абрамов очень хвалил прозу Распутина. Сказав, что у Распутина есть и слабости, он вдруг продолжил:

— Я иногда нахожу слабости (для вас это звучит дико!) у Толстого.

Необычным был ответ Абрамова и на вопрос студентов об Анне Ахматовой:

— Я знакомства с Анной Ахматовой не имел, хотя одно время жил в писательском доме на одной площадке с ней. Анна Ахматова — талантливый человек. Это, безусловно, так. Но меня лично она мало трогает... Мне ее стихотворения часто представляются белыми мраморными колоннами в нашей литературе. Колонны хорошие, прекрасные, но холодные...

Уже после встречи я сказал Абрамову, что студенты, молодые люди вообще, любят Ахматову.

— Знаю, что любят. Но не мог же я врать, — сказал он.

Встреча со студентами состоялась в октябре 1978 года в 220-й аудитории Ереванского университета. Была на встрече жена Абрамова Людмила Владимировна Крутикова. Был армянский прозаик Леонид Гурунц. «О том, что надо писать правду, говорят все, — сказал Гурунц, — но пишут не все. Другое дело Абрамов... Я его называю рыцарем правды».

Федор Абрамов говорил немногим больше часа о своем пути в литературу, о писательском труде и минут 30—35 отвечал на вопросы. И то, что он говорил, очень меня заинтересовало. И так как не было под рукой бумаги, я достал крохотную карманную книжницу, сплошь испиленную фамилиями и номерами телефонов, и стал записывать между строк наиболее, с моей точки зрения, интересные высказывания Абрамова. Рядом со мной за длинным столом сидела Людмила Владимировна. Заметив, что у меня нет бумаги, она вырвала для меня несколько листков из своего блокнота.

Я записал не все выступление Абрамова, а лишь то, что мне казалось важным, поэтому связи между отдельными высказываниями утрачены, да они в данном случае и не обязательны. Привожу запись в той последовательности, в какой она была сделана.

— Я родился в краю таежных ночей. Детство мое прошло с лучиной. Кусок хлеба не всегда был. От нашей деревни до города 500 верст. Город я увидел впервые, когда мне исполнилось 18 лет. Воевал, был дважды тяжело ранен. А кто-то «держал оборону» под Ташкентом...

— Когда я защитил кандидатскую диссертацию, мне подарили ботишки, потому что я пришел на ученый совет в дырявых парусиновых туфлях. Я ведь часть своей аспирантской стипендии посылал в деревню брату, чтобы он мог платить налоги.

— У нас пишут книги о войне без мира. Я не обыгрываю слова Толстого.

Чтобы понять войну, надо понять мирные годы. Корни всего там, в довоенных годах.

— Как вы относитесь к Чингизу Айтматову?

— Я знаю не все вещи Айтматова... Его «Прощай, Гульсары!» и «Белый пароход» — это очень серьезные вещи.

— Как складываются ваши отношения с земляками?

— Сложный это вопрос. Но у меня отношения хорошие. Любят меня. Мой домишко в деревне хуже всех. Два комнатки.

Отвечая на вопрос о литературе в кино, сказал, что кинематографу недостает сейчас масштабности. Хвалил грузинские фильмы. Восторгался экранизацией «Чапаева»:

— Экранизация превосходит даже само произведение.

— Были ли вы знакомы с Шукшиным?

— Мы с Шукшиным лишь договорились встретиться, поговорить, выяснить, во что мы веруем, а это — главный вопрос, который должен занимать человека.

— Ваше отношение к классике?

— Об этом надо говорить целый день. Среди всех известных мне классических литератур мира я больше всего ценю русскую классику, она проповедует идею братства. Русскому человеку мало устроить свою жизнь (да он это и не умеет). Главное для него — забота о братстве людей, забота о мире, сострадание к ближнему, защита ребенка, горный свет...

— Бог мой Пушкин. Пушкин — литературный бог всех русских. Но и без Гоголя мне никуда...

— «Тихий Дон», может быть, самая великая книга, созданная в XX веке.

— Чехов — классик русской литературы. Но я очень спокойно отношусь к его драматургии.

— В литературе прежде всего ценю корневой язык, которым говорит народ. Писатель — это ухо народного языка. К литературным экспериментам я отношусь спокойно, мягко говоря.

— Каждый хороший писатель в то же время и новатор. Он верит в веру отцов, но вместе с тем он еретик. Вообще «ересь» в литературе — большое дело.

ВОПРОС об отношении к классике был, пожалуй, наиболее взволновавшим Абрамова. По ответу (столь обстоятельному) было видно, какое значение придавал Федор Александрович русской классике, как много и интересно он думал о великих предшественниках.

...В ту памятную осень 1978 года в Армению приехала большая группа русских писателей. Разговоры и споры о современной русской литературе и русской классике возникали сами собой в среде писателей, по книгам и мировидению очень разных. Один из прозаиков сказал о Федоре Абрамове как о писателе мрачном. А ведь Абрамов если и рассказывал о том, из-за чего делался мрачным, то всегда был к людям добр и участлив, болел, переживал, и трудная жизнь людей освещалась светом его души. «Я вижу, положим, зло, — говорил Толстой, — страдаю от него, переживаю его и вот — создаю вещь, где указываю на зло, которого большинство, кроме меня, не видит. Вот это и есть то, что нужно».

Можно сказать, что Федор Абрамов, следуя завету Толстого, писал именно «то, что нужно».

Я подружился с Федором Александровичем и Людмилей Владимировной. «Мрачный» Абрамов ценил юмор, шутку. (Об этом можно судить и по его прозе.) И если вдруг возникал несерьезный разговор и ни к чему не обязывающий веселый «треп» за столом, Абрамова это не тяготило. Он с интересом слушал восточную «трепотню» с притчами, с шутками и прибаутками. А болтали мы, хозяева, и я в особенности, всюю, настроившись на беззаботно-веселый лад.

Всех нас рассмешил случай с писателем, прилетевшим в Ереван поздно ночью. Что-то около полпервого ночи он пошел на Ереванский почтамт подать домой телеграмму: долетел, мол, устроился, не беспокойтесь. Однако телеграмму не приняли:

— После 12 ночи принимаем телеграммы только трагического содержания.

В один из дней, когда мы допоздна засились в гостях, Федор Абрамов улыбнулся и сказал, что пора кончать, так как уже время «трагических телеграмм».

Понравилось Абрамову, как поэт Рачия Ованяся говорил о пьяницах:

— Выпить, чтобы согреться, и что это за идея? Как можно проповедовать эту глупейшую доктрину?

Федор Абрамов знакомился с Арменией и думал о России, думал вслух и откровенно:

— К стыду своему, я не знал, что у вас такая архитектура. Армянский дух — в камне... Я здесь восхищен вашими успе-